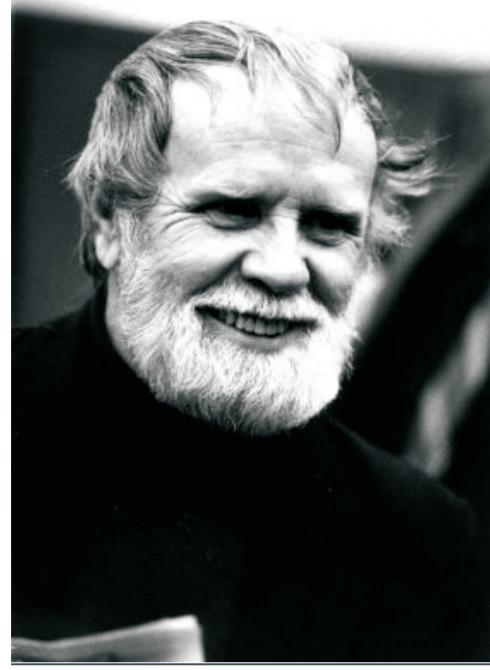

Память

Геннадий САЗОНОВ,
сборник ОЛГ

Плачь, Русская земля, но и гордись

Последний путь великого русского писателя в родную деревню Тимониху

Стояло безветрие, улицы потонули в неторопливом густом снегопаде. Вся природа как бы радовалась православному празднику — Введению во Храм Пресвятой Богородицы. В сумерках колокольные звоны раздавались в церквях Вологды, призывая мирян на вечернюю службу. Празднично горели свечи у алтарей, звучали песнопения, прославляющие Богородицу.

В позднюю тёмную пору, на исходе этого дня, 4 декабря 2012 года, в доме на улице Октябрьской в центре Вологды перестало биться сердце Василия Ивановича Белова, известного во всём мире писателя, патриота, общественного деятеля, защитника русской земли.

Он ушёл из жизни на 81-м году.

Те, кто имел какое-либо отношение к нему, включая и многих читателей, знали, что Белов в последние полтора года серьёзно болел, фактически был прикован к постели. Знали, что он мужественно противостоял недугу.

И всё же известие о его кончине потрясло, как гром небесный. Как-то невозможно было представить Василия Ивановича, всегда бойкого, всегда жизнедеятельного, не живым.

Трагическая новость быстро облетела эфиры не только России, но многих стран и континентов, вызывая сочувствие, сострадание, боль утраты.

Никакими словами не выразить чувства тех, кто знал, любил и самого писателя, и, конечно, его твор-

чество. Но можно сказать об ощущении ухода вместе с ним целой исторической эпохи, огромного русского крестьянского мира, выразителем которых был Василий Белов. Он положил на алтарь любви к Родине свой яркий, талантливый, беспрерывный труд, сильную волю.

Служение русской литературе было высшим смыслом жизни Василия Ивановича Белова.

Всё, созданное им за более чем полу вековое пребывание в литературе: стихи, рассказы, повести, романы, пьесы, очерки, эссе — знакомо читателям в сотнях книг, в том числе и переведённых на иностранные языки. Да, это так. Но это уже и не совсем так. Дело в том, что теперь нам всем предстоит по-новому осмыслить творчество Белова, глубже понять его мудрость, взять добрым советом, строгим предостережением.

Гражданская панихида — прощание с великим художником слова — началась утром 7 декабря в Вологодском областном драматическом театре.

В том самом театре, где буквально несколько недель назад поставили спектакль по его рассказу «Душа бессмертна», к 80-летию писателя.

С 8 часов утра ушли проститься с Василием Ивановичем ветераны и молодые из Вологды, Череповца, Никольска, прочих городов и районов Вологодчины. Приехали почитатели его таланта из Москвы, Ярославля и других регионов. Уверен, что приехала бы проститься с ним и вся читающая Россия, если бы у людей была такая возможность.

В почётном карауле у гроба сменяли друг друга писатели, художники, работники культуры, депутаты, люди, близко знавшие Василия Ивановича и дружившие с ним. Они единодушно признали, что Белов являлся совестью русской

отдавали дань уважения Белову. Участники траурного митинга выразили глубокое соболезнование родным писателя: жене Ольге Сергеевне, дочери Анне, сестре Александре Ивановне. Телеграммы соболезнования поступили от Президента России Владимира Путина и председателя Правительства Дмитрия Медведева. Венок от президента возложил главный федеральный инспектор по Вологодской области.

Поступило Патриаршее соболезнование от Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Большинство произведений Василия Ивановича посвящено русской деревне и живущим в ней людям, их трудностям, заботам и чаяниям», — отметил Патриарх.

Поступило Патриаршее соболезнование от Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Большинство произведений Василия Ивановича посвящено русской деревне и живущим в ней людям, их трудностям, заботам и чаяниям», — отметил Патриарх. Его книги раскрывают перед читателем богатый внутренний мир жителей Русского Севера, учат любви к своей малой Родине, семье и дому. Утверждая своим творчеством евангельские духовно-нравственные ценности, писатель был убеждён в том, что лишь в сохранении традиционных моральных устоев залог благополучия и процветания нашего общества.

Почивший явил современникам не только пример подлинного патриота России, искренне радеющего за судьбу Отечества, но и образец жизни христианина, смиренно и мужественно перенесшего постигшие его скробы, испытания и недуги. Василий Иванович был верным сыном Русской Православной Церкви: на свою среду он восстановил храм в родной деревне и не переставал заботиться о нём и в дальнейшем».

На митинге выступили руководители области и города, депутаты, люди, близко знавшие Василия Ивановича и дружившие с ним. Они единодушно признали, что Белов являлся совестью русской

национации, радетелем русского крестьянства. Сопредседатель Союза писателей России Владимир Крупин, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Сергей Кунев, руководитель Вологодской писательской организации поэт Михаил Карапет, академик живописи Валентин Страхов, известный режиссёр Анатолий Заболоцкий и другие говорили об огромном вкладе Белова в русскую литературу и культуру, подчеркивали, что его произведения останутся с читателем и будут помогать жить на родной земле.

«Ощущение, что Господь водил его рукой, несомненно, — сказал Владимир Крупин. — О чём бы трагической он не писал, этот свет даёт силы жить дальше. Он спорел на костре любви к России, любил её до боли сердечной. От него исходило такое ощущение силы, таланта, что невольно приходилось задаваться вопросом: а мы-то зачем пишем, если есть Василий Иванович?»

К пяти часам утра гроб с телом покойного перевезли из театра в кафедральный Рождество-Богородицкий собор, туда же переместилась и траурная процесия. Здесь чин отпевания совершил архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан. Ему сослужили двадцать вологодских священников. Владыка произнес архиепископское слово:

«Это тяжёлая потеря не только для вологжан, для русской литературы, — это утрата для всего нашего общества, — сказал архиепископ Максимилиан. — Мы, вологжане, воспринимаем как милость Божию, что Василий Иванович Белов именно на нашей земле жил и работал. Его произведения читаются во всём мире, потому что в них он пытался понять и отразить основы русской жизни.

Шаг за шагом Василий Иванович углублялся в церковную жизнь, стал православным христианином, регулярно прибегал к спасительным церковным Таинствам.

После отпевания в кафедральном соборе траурный кортеж из четырёх автобусов и колонны автомобилей направился в Харовский район, в родную деревню писателя Тимониху, расположенную в 170 километрах от Вологды. По дороге в Тимониху думалось о многом, вспоминалось многое. Сколько раз этим путём спешил писатель в отчий дом, чтобы окунуться в тишину, ощутить прилив вдохновения. Там, в отчих стенах, были созданы лучшие его вещи. И вот теперь он навсегда возвращается сюда.

Уже в ранних сумерках процесия прибыла в Тимониху, от неё до кладбища около километра. Святелись огнями Никольская церковь, восстановленная руками Белова и на его средства. Кладбище небольшое. Рядом с местом упокоения его матери Анфисы Ивановны была изготвленна свежая могила.

Священнослужители совершили заупокойную литию. Наступило последнее прощание. Кроме приезжих, проводить писателя пришли жители из окрестных деревень. «Василий Иванович вернулся в родную землю, — отметил глава Харовского района Александр Мазуев, — в ту землю, по которой ходили герои его произведений...»

«Плачь, русская земля, но и гордись за такого своего сына», — сказала у гроба сестра писателя Александра Ивановна. Да, этотак! Прощай, дорогой Василий Иванович!

Владимир ФЕДОРОВ, поэт

«Я ушел. Страна осталась, в Вечность крылья распластав...»

Он был поэтом по самой своей сути: невизиная на обстоятельства, авторитеты и запреты, всегда делал, что хотел, и говорил, что думал. Этот дух бунтарства и свободы явно передался ему от матери.

Коренная москвичка из древнего рода Фроловых, получив прекрасное медицинское образование в столице, она на девятом месяце беременности вдруг бросила вызов своей чинной семье и тайно рванула в самую глубь Сибири. Но доехать сумела только до Урала: прям в поезде начались схватки, и её сняли на ближайшей маленькой станции. Там и появился на свет Владимир Фролов. А следом — родители беглянки, которые тут же возвратили её в Москву. Но ненадолго. Едва Володя начал уверенно ходить, молодая мама сonda подхватила его и уже навсегда увезла на самый полюс холода: в далёкое крохотное Верхоянске он и вырос, перемешав свои цветастые московские гены с долгими полярными ночами, туманами и морозами под шестьдесят градусов. Такая вот получилась смесь.

На Крайнем Севере он состоялся и как поэт, уже с 14-ти лет активно печатаясь в газетах и журналах, а затем выпустив одну за другой почти десяток книг стихов, отмеченных особой «фроловской» интонацией, полётностью и лёгкостью пера, никогда не впадающей в легковесность. Многие его стихи с первого раза так впечатывались в память, что оставались в ней навсегда. Как, например, эти, о внезапной любви:

В небе ангел, и трубит он.
Мне не встать уже с колен.
Наши армии разбиты
И сдались друг другу в плен

Талант Фролова дружно отмечали и заезжие мэтры, и местные власти: дум, но, благодаря незавидному нраву, оструму языку и известной доли поэтического раз-

гильдия, он ни разу не был отмечен ни одной наградой, премией или как-то милостью властей, предержащих. Лишь пару лет назад у Фролова появилось единственное звание, которым он очень гордился — член Союза писателей России.

Тем не менее, всю жизнь его не покидала надежда быть услышанным в сердце страны, откуда шли его корни. «Я Божий милостью Фролов с семнадцатого века», — не раз говорил он своим оппонентам. И любил добавлять, что изначально Спасская башня Кремля называлась Фроловской. Он мечтал въехать через «свою» башню на белом коне в российскую литературу, но, увы, столица уже давно не слышала провинциалов, равнодушно развернувшись к ним спиной.

Отметив своё 55-летие и отринув им же написанную строку, — «Если гора не идёт к Магомету, то нафига ему эта гора» — Фролов всё же решил сам двинуться к «горе» и год назад перебрался в Москву.

Это была последняя отчаянная и наивная попытка стремительно завоевать бывшую родовую вотчину.

Володя относился к тому числу поэтов, которым была очень важна реакция окружающих на их творчество, причём, желательно, мгновенная. Он хотел, чтобы его стихи, едва родившись, ещё «гогорчими» становились достоянием не только его собственной души и сердца, но и всех, кто мог их оценить и прочувствовать. Довольно часто, залпом сорвив за ночь два-три десятка стихов и половину тут же отправив в мусорную корзину, он наутро звонил кому-то из друзей-поэтов и произносил привычную фразу: «Понаписал тут разного... Вроде, притягиваешь...». Приезжий, послушав... Мы приезжали и слушали. «Приличные», то есть талантливые стихи в этихочных заездах встречались всегда, и Володя был по-настоящему счастлив, когда ему об

еще не хватило нескольких месяцев, чтобы увидеть свои стихи опубликованными, услышать, как они прозвучат в Москве.

Володя закончил свою земную жизнь стремительно и неожиданно, как подбитая вётка птицы, но его жизнь поэтическая, небесная, может быть, только едва начинается. Свидетельство тому — строки, которые пропечатаны после этого предисловия, написанного в дни сороковин.

Владимир ФРОЛОВ

* * *
О, Россия! Где зло,
Каки, впрочем, добро —
Безвоздмездны.
Где основа основ —
Потрясение оных основ.
Где как данность порыв,
Безвоздмездны.
Где спасение сияние бездны,
Где нас встретит Господь
И обнимет,
как будлных сынов.
Божья Матерь
проводит за стол,
Где гулянка без драки,
Где смиренные девы
Невинно не скрывают красы,
Где с порога видны
Лучезарные звёзды во мраке,
Будто спелые яблочки
В каплях тяжёлой росы.
И когда на палььось
Беспохмельного
Райского зелья,
И когда всё, что знал
на Земле,
С хрипоткой отпою,
Я спрошуих,
Зачто,
Твою мать,
Не за это ли веселье,
Я покинул Россию,
Святую Россию свою?!

* * *
О, сколько слов
неизнаныхтайся!
Ихлики промелькнут
в слепом огне...
Я их не жду.
Безмолвие томится,
великое безмолвие
во мне.
Музыку звёзд
оно дразнит часами
и, мучас
безымянностью
в тоске,
вопит, вопит
немы голосами
на недоступном
слову
языке.

* * *
Умирают дни мои безропотно.
В памяти недолг зыбкий след.
Волны зверь
Становится подопытным.
Семь ответов — за одну из бед.
У забычена очень много времени.
В нас столь долго вызревает суть,
Что меует
как родничок на темени,
Может незаметно затянут...

* * *
Запах зелёной осоки,
Запах озёрной воды,
Месяц печально высокий,
Недолетая звезды...
Славное в сердце смиление
С тем, что пришло иуйдёт,
Светлое стихотворение
Бог бессловесно прочтёт.
Переводить бесполезно:
Этот подстрочникубог...
Запах болота, железа,
В насумирающий Бог.

* * *
Сошла богиня с пьедестала
И стала ближе к земнин.
Но отчего-то вдруг не стало
Душе божественное сней.
Онач ближе, тем прелестней.
Охвачен пламенем, горю...
Я гениально слышу песни,
Но вместо пенья — горю.
Так мальчик, ангелом поющий,
В мгновенне отгочеством снят.
И в новом, хрюплом, предающем
Он голосе — не виноват.

* * *
То, что правты, — вне всяких сомнений.
Толку мне от твоей правоты!
Быть цветущими, без изменений,
Лишь на кладицах могут цветы.
Наливай! Что любовь без измен?
Наливай — всё болт спомдела.
Пём за то, чтоб любовь, непременно,
После смерти хоть в строчках жила.
И не трожь мой иссохший гербарий:
Ну, не пахнут цветы и не жгут...
Пусть повесится в старом амбаре,
Вместо нас нашей веры хомут.

Государь Император
Дневник
Что не остерегает застра
Цареубийств, викторий, оборон...
Он, издаваясь над мемуаристом,
Писал:

«Припил... пошёл стрелять ворон». Какожуток их пророчий ржавый скрежет В предощущене агодовых гирров... Балует император, душутешит, Исыплет с неба чёрное перо. Когда б не знать, как осыпает горе, Кружа, как это чёртово перо... «Григорий, старец?..» «Да хоть чёрт Григорий! Мальчикон легче, да и то добро...» Что Думам до нелёхих дум отцовых? Да провались оно в тартарары! И мечтается грома межстен дворцовых, Не различая бунта от игры.

Гала
Елене Дьяконовой
Меж Цветаевых расцветали вы,
Эльвара сводили сума.
А в России родной — баталин,
Да тюрьма, да сума.

Эмигранточка. Вот тоска-то...
От Невы, как от детства, вдали,
Гимназисточка, дочь адвоката —
Гениальность Дали.

Русским, бабым чутью пропитана,
Как некстаром — зовущий цветок,
Обнаженною мирно спитона
В небес с Запада на Восток.